

ВСЕМИРНАЯ БИБЛИОТЕКА ПОЭЗИИ

ГЕНРИК
ИБСЕН

Генрик Ибсен

Пер Гюнт: стихотворения

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2377755
Пер Гюнт: стихотворения: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-52059-6*

Аннотация

«Второй после Шекспира», великий драматург Генрик Ибсен был также замечательным и проникновенным поэтом. Сборник знакомит русского читателя со стихотворениями и поэмами Ибсена как с единым целым. Ядром книги является уникальный стихотворный перевод драматической поэмы «Пер Гюнт», ставшей для норвежцев таким же национальным произведением, как «Евгений Онегин» Пушкина для русских, а «Фауст» Гёте для немцев.

Содержание

Ибсен-поэт	4
Стихотворения и поэмы	10
Рудокоп	10
Светобоязнь	12
Терье Викен	13
Из домашней жизни	22
Сила воспоминаний	23
Основа веры	24
В альбом композитора[6]	26
Монолог Бранда из пятого действия драматической поэмы «Бранд»	27
Сожженные корабли	31
Письмо в стихах	32
Звезды в туманности[7]	36
В этом доме они...	37
Пер Гюнт	38
Действующие лица	38
Действие первое	40
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Генрик Ибсен

Пер Гюнт: стихотворения

Ибсен-поэт

Моя книга – поэзия, а если нет, то будет поэзией! И в нашей стране, Норвегии, она будет служить ее образцом.

Ибсен о драматической поэме «Пер Гюнт» в письме Бьёрнсону от 9 декабря 1867 г.

«Воспоминаниях об Ибсене» (1911) его младшего современника драматурга Г. Хейберга (1857–1929) описывается следующая сцена: действие ее происходит в Риме, Ибсен и Хейберг идут из любимого кабачка домой. «Ибсен был в ужасном настроении и все видел в черном цвете. Он говорил, что мир по-прежнему катится к упадку и возвращается к варварству, люди становятся все ничтожнее, а их цели все мельче. Всё, всё было плохо. И все усилия были напрасны.

Мне так хотелось утешить его. Я был тогда еще совсем молодым – и живо откликнулся на боль ближнего, не понимая, что иногда люди получают удовольствие от того, что жалуются. Поэтому я спокойно сказал Ибсену, что чувствую больше правды и истины в том, что он когда-то уже написал.

– Да? И что же я написал?

– Вы написали:

Век за веком род людской,
все земные поколенья
лестницею винтовой
совершают восхождение...¹

– Да это же стихи! Всего только стихи! – оборвал он меня с глубочайшим презрением. Он сказал это резко, прозвеневшим в ночи голосом».

Сцена происходила, по-видимому, в 1878 г., то есть еще до того, как драматург выпустил свою знаменитую пьесу «Кукольный дом» (1879), за которой последовали остальные его великие драмы. Однако уже к этому времени Ибсен завоевал за рубежом и дома, на родине, широкую известность, которую принесли ему как раз стихи – главным образом, драматические поэмы «Бранд» (1866) и «Пер Гюнт» (1867).

Свои первые стихотворения об уделе поэта и любви к природе Ибсен написал девятнадцати лет от роду, когда работал учеником аптекаря в городке Гримстад. Стихами написаны его исторические и национально-романтические драмы «Катилина» (1849), «Богатырский курган» (1850), «Пир в Сульхауге» (1855), «Улаф Лильекранс» (1856), созданные в период, когда он безуспешно пытается утвердиться на поприще поэта, а также драматурга, администратора и режиссера в театрах Кристиании (ныне Осло) и Бергена и ищет себя и свой стиль в произведениях на популярную в ту эпоху национально-патриотическую тему.

Впрочем, ни театральная деятельность Ибсена, ни его исторические, написанные в национально-романтическом духе пьесы успеха не имели. Единственным исключением среди последних явилась несколько позже созданная и отчасти написанная стихами драма

¹ Из стихотворения «Письмо с воздушным шаром к шведской даме» (1870). Пер. А. и П. Ганзенов.

«Борьба за престол» (1863), речь в которой опять же шла не столько об историческом конфликте между народным любимцем королем Хоконом и его антиподом ярлом Скуле, похищающим у Хокона идею единства норвежских племен, сколько о лично пережитом, сложном противостоянии, соперничестве и дружбе между баловнем судьбы, обаятельным, красивым, талантливым и успешным младшим современником Ибсена, поэтом и писателем Б. Бьёрнсоном (1832–1910, Нобелевская премия по литературе за 1903 г.) и прямой противоположностью ему – неудовлетворенным собой, вечно сомневающимся и ищущим автором драмы, явно узнававшим себя в ярле Скуле. Неудивительно, что драматический конфликт драмы оказался более живым и глубоким, чем во всех предыдущих. Еще одним достижением Ибсена в этой же пьесе явилось создание образа зловещего епископа Николаса, воплощения зла в самом незамутненном его виде, один из монологов которого являет собой несравненный до тех пор в поэзии Ибсена образец выразительности и энергии:

Будут норвежцы брести еле-еле
По полю жизни, без воли, без цели;
Будут их души узки, а сердца
Злобой друг к другу пылать без конца;
Будут в одном меж собою согласны:
Все, что велико, и все, что прекрасно,
Камнями, грязью скорей забросать.
Будут позор свой за честь почитать;
Будут звать тряпки ничтожные стягом, —
Знайте тогда: по норвежской земле
Путь свой победным, торжественным шагом
Старый епископ свершает во мгле!²

Фигура зловещего епископа появляется в драме неспроста. К середине 1862 г. кристианийский Норвежский театр, художественным директором которого Ибсен прослужил последние пять лет, терпит банкротство (не более успешной была его карьера режиссера и драматурга Норвежского театра Бергена в предшествующий период в 1852–1857 гг.). Прошение Ибсена властям о предоставлении ему гранта для поездки за границу с целью изучения драматического искусства и литературы осталось неудовлетворенным. В штыки принимает критика и вышедшую в том же 1862 г. антиромантическую, хотя и написанную превосходным стихом «Комедию любви» (в ней влюбленные Фальк и Сванхильд отказываются от союза, потому что уверены – в браке умрет их любовь). Обремененный семьей, Ибсен перебивается на случайные заработки, он делает большие долги, которые отчасти покрывает деньгами, выделенными ему Академической коллегией для собирания и изучения норвежского фольклора. Прошение о назначении ему писательской стипендии также оказывается безуспешным. Наконец Академическая коллегия предоставляет ему грант для поездки за границу, однако его хватает лишь на то, чтобы оплатить долги. В конце концов Ибсена выручает его благородный соперник: на собранные Бьёрнсоном в 1864 г. по подписке деньги Ибсен уезжает в Италию. Здесь он пишет драматическую поэму «Бранд» (1866), которая приносит ему успех и известность. Последовавший вслед за «Брандом» в 1867 году «Пер Гюнт» положил начало его всемирной славе.

Период становления и поисков продлился у Ибсена долго – с конца 1840-х гг. по середину 1860-х. За это время, помимо многочисленных пьес разного достоинства, он написал также множество стихов на случай, сатирических куплетов и стихотворных панегириков в

² Пер. А. и П. Ганzenов

честь коронованных особ и известных лиц, стихотворения в альбомы, письма в стихах и несколько прологов к спектаклям – сохранились тексты более 120 его стихотворений, в действительности же их, вероятно, было намного больше. Часть стихотворений была напечатана в газетах и журналах, другие утеряны во время многочисленных переездов. После двух не доведенных до конца в 1850 и в 1858 гг. попыток издать стихи отдельной книжкой во время небольшой паузы-передышки в начале 1870-х гг. (в это время у Ибсена намечается поворот от драмы в стихах к драме в прозе), он наконец печатает свой первый и последний поэтический сборник «Стихотворения» (1971), в который отбирает, тщательно перерабатывая их, пятьдесят с небольшим произведений: именно они впоследствии с небольшими добавлениями вошли в первое его прижизненное «Собрание сочинений» (1898).

Свое поэтическое творчество 1850-х – начала 1860-х гг. сам Ибсен сравнивает с неуклюжей пляской медведя, медленно поджариваемого вожатым в чугунном котле на потеху публике («Сила воспоминаний», 1864 г.). В остроумии этой стихотворной сатире на собственную литературную поденщину отказать нельзя. Ибсен шел на мелкие уступки публике и общественному мнению и впоследствии, когда стал знаменитостью, с той лишь разницей, что теперь они не были вынужденными. Так, например, он поддался на уговоры известной немецкой актрисы Гедвиг Ниман-Раабе изменить финал драмы «Кукольный дом» (в те времена он выглядел крайне вызывающим) и создал версию драмы с концовкой, в которой оскорбленная и преданная своим мужем Нора не покидает его и детей а остается дома³.

Однако одно дело идти на мелкие уступки во всеоружии славы, всего лишь снисходя до них, и совершенно иное – вынужденно приспособливаться к обстоятельствам, не обнаруживая свои истинные настроения и побуждения – тем более если сам ты далеко еще не уверен в своем таланте и призвании. Анонимный и еще никем не признанный гений творит в неизвестности и во тьме – вот откуда, возникает, по-видимому, излюбленная в поэзии Ибсена тема ночи и темноты как истинной стихии его искусства. В стихотворении «Рудокон» он пишет:

В небесах искать ответ?..
Но слепит небесный свет!

Нет, уж, видно, под землю
путь намечен мне судьбою.
Глубже вниз, в земную грудь
пробивай мне, молот, путь!

Еще более отчетливо эта же тема поставлена в стихотворении «Светобоязнь». Отметим, кстати, что истинные порождения тьмы, Доврский дед, его челядь и прочая чертовщина из «Пера Гюнта», несмотря на все их безобразие, полны у Ибсена комического очарования.

Неуверенностью не только в своих собственных силах, но и в предназначении искусства, проникнут своеобразный эстетический трактат в форме цикла сонетов «В картинной галерее», который Ибсен написал после поездки в 1852 г. в Дрезден. В итоговый его сборник этот цикл не вошел (за исключением стихотворения «Светобоязнь»), но его основная тема отношений между искусством и жизнью, художником и моделью, Ибсена не оставила: еще более весомо она возникает в его первой поэме «На высотах» (1859), в которой развивается поражающее воображение читателя поэтическое изображение пейзажа. Некто, горный Охотник, призывает лирического героя к чисто эстетическому, отстраненному восприятию жизни

³ В этой редакции пьеса шла в 1880 г. в Германии и Австрии. Было осуществлено также второе немецкое (лейпцигское) издание «Кукольного дома» под названием «Нора» с приложением к основному тексту «счастливого» окончания.

долин – прекрасен может быть только «вышний взгляд»! Но не губит ли в себе всё лучшее творец, холодно и отстраненно взирающий с высоты на погибающую в огне пожара мать и спешащую на венчание с другим невесту? Лирический герой поэмы преодолевает сомнения и выбирает поэзию. Однако этот вопрос, пусть в несколько измененной форме, позднее возникнет снова в поэтической зарисовке «Из домашней жизни» (1864), в драматической поэме «Бранд» и, наконец, – на последнем жизненном «перекрестке» – в драме «Когда мы, мертвые, пробуждаемся» (1900).

Поэзия Ибсена 1850–1860-х гг., как правило, концептуальна, идейна. В этом отношении совершенно отдельно в ней стоит «Терье Викен» (1861), поэма, или, скорее, повесть в стихах, поражающая почти полным отсутствием авторского «я» или же присутствием его в столь неявной форме, что оно полностью размывается, превращаясь в голос обобщенного народного сознания, просто и в то же время взволнованно рассказывающий историю жизни простого человека, моряка, сумевшего силой воли возвыситься над личной трагедией и не потерять человечности в обстоятельствах, которые, казалось бы, ее проявление исключают. Хотя, конечно же, ибсеновский голос узнается и в этом поэтическом шедевре, ведущем, по видимому, свою родословную от народной баллады. В «Терье Викене» выведен типично ибсеновский – могучий характер.

Перефразируя блоковские слова о Тютчеве, Ибсена можно смело считать «ночной душой» норвежской поэзии, продолжателем в ней традиций утонченного лирика и певца меланхолических настроений Ю. С. Вельхавена (1807–1873) (при всем различии их манер – вельхавеновской, строящейся на тонких психологических нюансах и мелодизме, и ибсеновской, более резкой, склонной к парадоксальности, иронии и сарказму, хотя и ей в отдельных поэтических зарисовках нельзя отказать в утонченности). И в то же время Ибсен – прямой продолжатель публицистической традиции Х. Вергеланна (1808–1845), открыто и страстно отзывавшегося на политическую злобу дня. Более того, именно своей политической лирике Ибсен обязан всеобщим признанием и обретением суверенности как творца и личности.

В стихотворении «Основа веры» (1864) он пишет:

Страну я будил набатным стихом —
Никто не дрогнул в краю родном.

Ибсен имел в виду в данном случае свои собственные неоднократные обращения к общественности и политическим деятелям Норвегии и Швеции выступить в начавшейся в феврале 1864 г. войне Дании с Австрией и Пруссией на стороне братской скандинавской страны. Поражение датчан еще более обострило отношение Ибсена с родиной. На пути из Норвегии в Италию, проезжая через Берлин, Ибсен с горечью наблюдал военный триумф пруссаков: через город проводили захваченные датские пушки, а толпы населения оплевывали их.

Оказавшись в Италии, он делает первые наброски поэмы, в которой резко критикует поведение соотечественников, однако вскоре оставляет ее. Во время посещения собора Св. Петра в Риме у него возникает новый замысел – драматической поэмы «Бранд». Цель инвектив в ней расширяется, ею становится сам «дух соглашательства»: именно в нем поэт видит основной порок общества и, возможно, свой собственный недостаток и слабость; поэтическим же идеалом поэмы выступает абсолютная и практически недостижимая цельность, которой он наделяет своего героя священника. «Все или ничто» – таков лозунг новой веры, в жертву которой приносятся счастье и даже жизнь.

Своей всеокрушающей энергией а также рассыпанными по тексту язвительными политическими уколами в адрес вялой и свехосторожной власти поэма чрезвычайно импонировала скандинавской читательской аудитории того времени и имела шумный успех,

после которого Ибсен, если бы даже он сам этого захотел, уже не мог остаться в неизвестности. Впрочем, отдельные сцены поэмы не потеряли своего эмоционального воздействия до сих пор. При всей неистовости Бранд – не слепой фанатик: принося жертвы, он мучается, да и приносит он их не конкретному Господу (концепция Бога у него по ходу действия постоянно меняется), а по сути духу поиска. Этим Бранд схож с Рыцарем из великого бергмановского фильма «Седьмая печать» и, возможно, является его прообразом.

«За “Брандом” как бы сам собой последовал “Пер Гюнт”», – сообщал Ибсен в одном письме⁴, а в другом⁵ писал: «“Пер Гюнт” – это прямая противоположность “Бранда”». В самом деле, у героя его первой драматической поэмы нет достойных его оппонентов: если не считать таковым самого Господа Бога, все остальные слишком мелки и одолевают его, лишь объединившись, толпой. Поэтому пламенные монологи священника, не находя достойного ответа, повисают в воздухе, и он борется главным образом сам с собой. Такова, по-видимому, причина подвигнувшая Ибсена на создание образа Пера Гюнта, воплощающего худшие, по мысли Ибсена, черты норвежского национального характера – все те же «дух соглашательства», половинчатость и приспособленчество, социальную и психологическую мимикрию, которые позволяют герою выживать чуть ли не в любых обстоятельствах, но лишают его собственного личностного содержания, собственного ядра: вот почему Пер сравнивается то с луковицей, то с перекасти-поле. Будь Ибсен до конца последователен в своей сатире, перед нами предстала бы трагическая фигура сродни «полому внутри» человеку Т. С. Элиота (1888–1965). К счастью, почти эфемерной, но чрезвычайно стойкой сердцевиной Ибсен своего героя все-таки наделил: Пер Гюнт, проходимец и человек в общем-то никчемный, вместе с тем – безудержный мечтатель и фантазер, более того, он по сути своей – поэт. Мечта о несбыточном королевстве гонит его по миру, и он предстает перед нами не просто как пустопорожний бездельник, но как очарованный видениями и ошибающийся на пути своей жизни грешник, которого черт, конечно же, в назидание публике поволочит в ад, но которого нам, зрителям своего рода моралите, несомненно жаль. В каждом из нас, наверное, тоже сидит крупинка «гюнтовского», по собственному выражению драматурга, «начала».

«Пер Гюнт» явился прощанием Ибсена с большой стихотворной формой, хотя и не с поэзией вообще, которой исподволь, в форме лирического подтекста, проникнута проза всех его великих пьес. Драматург напишет и напечатает еще несколько стихотворений, в которых блеснет иронией и виртуозной версификацией («Письмо с воздушным шаром шведской даме», 1870), подтвердит, что, даже находясь в долгой добровольной эмиграции, он по-прежнему верен родине («Сожженные корабли», 1871), хотя несколько не утратил радикальности своих убеждений («Письмо в стихах», 1875) и по-прежнему считает творчество – не игрой, а весьма серьезным и ответственным делом («Четверостишие», 1877). Каждая новая драма Ибсена будет неизменно вызывать похвалы, резкое неприятие, а иногда и бурные дискуссии, подчас имевшие к его творчеству весьма косвенное отношение (как, например, о женской эмансипации в связи с пьесой «Кукольный дом»). Спору нет, идеологические дискуссии важны и полезны, хотя Ибсен-художник всегда был и навсегда останется прежде всего поэтом. Достаточно вспомнить о монологе Пера Гюнта в сцене, следующей за освобождением Пера от страстного увлечения безумными пастушками, о колыбельной, которую он произносит над своей умирающей матерью, о песне ждущей его Сольвейг, наконец о поэтической зарисовке, которую Ибсен сделал, начиная работу над драмой «Строитель Сольнес» «В этом доме они...», блестяще переложенной на русский язык А. А. Ахматовой. Об этом же, рассуждая о романтизме Ибсена, но явно имея в виду его поэзию, пишет в своей статье «Ибсен-романтик» (1928) английский писатель-интеллектуал Э. М. Форстер (1879–1970):

⁴ Петеру Хансену, 28 октября 1970 г.

⁵ Эдмунду Госсу, 30 апреля 1872 г.

«Но стоит нам перенести взгляд чуть в сторону, и социальные вопросы размываются, реформатор становится драматургом, а если взглянуть еще дальше, то увидишь, как драматург превратится в поэта, который чутко прислушивается к подземной поступи троллей. Ибо в глубине своей Ибсен – это Пер Гюнт. В бакенбардах и при орденах, он остается все тем же – околдованным в горах мальчиком.

У родимой груди день-деньской
Отдыхало дитя... Бог с тобой!
У меня ты у сердца лежал
Весь свой век. А теперь ты устал.

Чело, склонившееся над Пером – нематеринское, но оно, несомненно, будет хранить его от плавильной ложки до тех пор, пока люди читают книги и смотрят пьесы».

Б. А. Ерхов

Стихотворения и поэмы

Рудокоп

Выше, молот мой, вздымайся,
камень с треском разрушайся!
Надо путь пробить туда,
где поет, звенит руда.

Жилы красно-золотые
и камня дорогие
в темных недрах мощных гор
мой угадывает взор.

Веет миром, тишиною
в тьме извечной под землею;
глубже внутрь, в земную грудь
пробивай мне, молот, путь!

Помню – в юности часами
любовался я звездами;
с детски-ясною душой
собирал цветы весной.

Но с тех пор минули годы;
шахты сумрачные своды

все затмили для меня —
прелесть поля, неба, дня.

Верил я, сходя впервые
в недра мрачные, земные:
духи тьмы там, в глубине,
тайну тайн откроют мне.

Но бежит стрелою время,
а загадок жизни бремя
ум все так же тяготит;
тьма во мне, как вкруг, царит.

Иль ошибкою жестокой
был мой путь во тьме глубокой?
В небесах искать ответ?..
Но слепит небесный свет!

Нет, уж, видно, под землею

путь намечен мне судьбою.
Глубже вниз, в земную грудь
пробивай мне, молот, путь!

Вглубь, – пока лишь хватит силы, —
шаг за шагом, до могилы.
Ни луча зари живой,
ни надежды предо мной.

1850

Светобоязнь

Я был в семье и в школе
прехрабрый мальчуган,
но днем лишь; чуть же в поле,
бывало, пал туман

и поползли в долины
ночные тени с гор —
ужасные картины
мне рисовал мой взор.

Из сказок и преданий
рать призраков ползла,
и ночь мне ряд терзаний,
а не покой несла.

Теперь не так бывает:
как воск в пыли огня,
вся храбрость моя тает
при свете ярком дня.

Мне духи зла дневные
страшны; мне жизни шум
в мозг иглы ледяные
вонзает, мутит ум.

Мир призраков туманный
мне нужен, тьмы покров;
он – щит, доспех мой бранный,
я в нем на бой готов.

Я грудью рассекаю
туман, орлом паря;
но крылья опускаю,
едва блеснет заря.

Так, если подвиг мною
и будет совершен, —
наверно тьмой ночью
навеян будет он.

1855–1863

Терье Викен

Жил странный старик в нашем хмуром краю,
С повадкой и взором орла;
Провел он на море всю жизнь свою
И людям не делал зла.
Но в час непогоды он страшен бывал
И словно бы одержим.
«Чудит Терье Викен!» – народ толковал.
Никто из товарищей не дерзал
Тогда заговаривать с ним.

А позже я видел однажды, как он
К нам в город привез улов.
Он был, несмотря на седины, силен,
И весел, и бодр, и здоров.
Он девушек словом смущал озорным,
С юнцами, как равный, шутил,
Он в лодку садился прыжком одним
И, парус поставив, отважно под ним
В морскую даль уходил.

Все то, что я слышал о нем не раз,
Теперь вам поведаю я:
Чудесным покажется мой рассказ,
Но все это правда, друзья!
Я все это знаю от тех, кто жил
С ним рядом в краю родном,
От тех, кто глаза старика закрыл,
Когда на седьмом десятке почил
Он вечным, спокойным сном.

Он был уже с детства мальчишка-пострел,
Раненько ушел от родных,
Везде побывал он и все посмотрел,
Был юнгой из самых лихих.
Но как-то однажды, придя в Амстердам,
По дому он вдруг заскучал,
На судне «Союз» (капитан был Прам)
Он прибыл к забытым родным берегам,
Но парня никто не узнал.

Да как его было, такого, узнать:
Он стал и силен, и красив!
Но умер отец, умерла и мать,
До встречи с сынком не дожив.
Бродил он, угрюмый, дней шесть или пять,

Но был он не зря моряком:
Не мог он бездомным по суше блуждать,
Уж лучше уйти и скитаться опять
В огромном просторе морском.

А годом позднее жену он взял.
Соседи шептались: «Гляди!
Напрасно он с нею судьбу связал,
Еще пожалеет, поди!»
Всю зиму он прожил, счастливый вполне,
В уютном гнезде родном:
Цветы, занавески на каждом окне,
И ярко на снежной блестел белизне
Веселый маленький дом.

Но тронулись льдины, и Терье вдруг
На бриге ушел опять,
Лишь осенью гуси, летя на юг,
Могли бы его повстречать.
Нахмурился он, возвращаясь домой:
Почувствовал тяжесть в груди,
Веселая воля была за кормой,
И скучная жизнь с подступавшей зимой
Ждала его впереди.

Направившись к дому, веселым друзьям
С улыбкой он вслед поглядел:
Разгульную жизнь он любил и сам
И втайне о ней пожалел.
Но в комнате мирной увидел он,
Невольно душой умилясь:
Жена его кроткая пряла лен,
А в люльке румяная, как бутон,
Малютка лежала смеясь.

И с этого часа моряк удалой
Впервые стал домовит:
Бывало, работает день-деньской,
А вечером с дочкой сидит.
Когда же, в предпраздничный вечер, гулял
Народ на соседних дворах,
Он лучшие песни над люлькой певал
И маленькой Анне играть позволял
Ручонкой в своих кудрях.

Но вот начался великий раздор,
Жестокий девятый год.
С печалью и ужасом до сих пор
О нем вспоминает народ.

Вдоль берега флот английский стоял —
Угрюмые крейсера,
Богач разорялся, бедняк погибал,
И каждый больной и голодный знал,
Что смерть стоит у двора.

Но Терье осилил и страх, и недуг,
Ведь помнил он в час лихой,
Что есть неизменный, испытанный друг —
Огромный простор морской.
Не зря он умел отлично грести,
Не зря был он смел и силен:
Надеясь семью от страданий спасти,
Задумал он в лодке зерна привезти,
Морской миновав кордон.

Он лодку поменьше себе подобрал,
Без паруса вышел он:
Доверившись морю, он так полагал,
Ты морем самим охранен.
Он рифы и прежде не раз обходил,
И в шторм, и в густой туман,
Но рифов и штормов опасней был
Тот коршун, что зорко за морем следил, —
Военный корабль англичан.

Но, верой в судьбу и удачу силен,
На весла рыбак налегал;
Вот лодку на отмель вытащил он
И груз драгоценный взял.
Хоть был этот груз не великой цены —
Всего три мешка зерна, —
Но для рыбака из голодной страны
Жизнь маленькой дочки и жизнь жены
Была в нем заключена.

Три дня и три ночи боролся храбрец
С волнами, не видя земли,
На утро четвертого дня наконец
Забрезжило что-то вдали.
То были не толпы бегущих туч,
А цепи суровых скал,
И синий, над строем вершин и круч,
Встал Именес – широк и могуч,
И Терье свой берег узнал.

Он дома! Теперь семья спасена!
Как сердце взыграло в нем!
Он Бога за эти мешки зерна

Восславил в восторге своем.
Но замерла речь, помутился свет
От страха в его глазах:
Не мог ошибиться Терье, о нет!
Входил в Хеснессунн английский корвет
Победно, на всех парусах.

С корвета заметили лодку. Звучит
Сигнал. Закрыты пути.
Но Терье на запад отважно спешит,
Еще надеясь уйти.
Он слышит, как в шлюпке матросы поют,
Но рук не жалеет он,
И крепкие весла по волнам бьют,
И волны дорогу ему дают,
Вскипая со всех сторон.

К востоку от Хомборгсунна есть
Еслинг – угрюмый риф;

Воды два фута бывает здесь,
Когда высокий пролив.
Здесь блещет и пенится водоворот
И в шторм, и в погожие дни,
Но каждый, кто лодку умело ведет,
Надежную пристань всегда найдет
За рифом, в глубокой тени.

Туда-то лодчонка неслась, как стрела,
Минуя гряды камней,
Но шлюпка английская следом шла,
И пятнадцать матросов – в ней.
Тут Терье, великой тоски не тая,
Сквозь грохот прибоя вскричал:
«Ведь только домой торопился я!
Там – голод! Там – дочь и жена моя!
Я хлеб привезти обещал!»

Но громче его закричали они:
«Над нами британский флаг!
Отныне хозяева мы одни
В норвежских ваших морях!»
Вдруг Терье на риф наскочил большой,
И шлюпка матросов за ним.
Ему офицер скомандовал: «Стой!»
И лодку пробил, как мальчишка злой,
Ударом весла одним.

В пробоину хлынувшая вода

Мешки потащила на дно,
Но Терье в беде не робел никогда:
Рванулся спасать зерно.
Матросов он яростно расшвырял,
Упрям и отчаянно смел,
Нырял, задыхался и снова нырял,
А враг беспощадный его поджидал,
Как пленника, взяв на прицел.

Победный салют был немедленно дан:
Доставлен рыбак на корвет!
На мостике гордо стоял капитан —
Юнец восемнадцати лет.
Он первую битву не проиграл,
Ну, как тут надменным не быть!
А Терье пред ним на колени упал,
Пощады прося, как ребенок, рыдал,
Чтоб сердце мальчишки смягчить.

Он плакал – они хохотали в ответ,
И смех был презрительно-зол.
Но вот горделиво английский корвет
К родным берегам пошел.
Затих Терье Викен; он горем своим
Врагов не хотел потешать,
И те, что недавно смеялись над ним,
Дивились, как странно он стал недвижим,
Решившись надолго молчать.

Пять тягостных лет он в тюрьме просидел,
Отсчитывал день за днем,
Согнулся, состарился он, поседел
От мысли о доме родном.
Но с этой лишь мыслью – заветной, одной —
Неволи он вытерпел ад.
Час пробил. Покончено было с войной,
И пленных норвежцев на берег родной
Доставил шведский фрегат.

И Терье на землю сошел опять,
Где был его отчий дом;
Никто молодого матроса узнать
Не мог в моряке седом.

В домишке своем он нашел чужих
И страшную правду узнал:
«Без Терье кормить было некому их,
И в братской могиле, как многих других,
Их сельский приход закопал».

Шли годы, и лоцманом Терье служил,
Вся жизнь его в море прошла,
Не раз он в порт корабли приводил
И людям не делал зла.
Но страшен и дик он порою бывал
И словно бы одержим.
«Чудит Терье Викен!» – народ толковал,
Никто из товарищей не дерзал
Тогда заговаривать с ним.

Однажды он в лунную ночь наблюдал
За морем, глядя на юг,
И яхты английской тревожный сигнал
Вдали он заметил вдруг.
На мачте трепещущий алый флаг
Взывал о спасенье без слов,
И лоцман – испытанный старый моряк —
Повел свою лодку сквозь ветер и мрак,
Помочь иноземцам готов.

Поднялся на палубу он; оглядась,
Уверенно стал за штурвал.
И яхта послушно вперед понеслась,
Минуя рифов оскал.
И вышел на палубу лорд молодой
И леди с ребенком – за ним:
«Спасибо, старик! ты нам послан судьбой!
За помощь, оказанную тобой,
Мы щедро тебя наградим!»

Но лоцман вздрогнул и побледнел,
Оставил сразу штурвал,
На яхту прекрасную он посмотрел
И, зло усмехнувшись, сказал:
«Милорд и миледи! Скажу, не тая,
Мне яхту никак не спасти,
Здесь берег опасный, но лодка моя
Надежна вполне и сумею я
Сквозь рифы ее провести!»

Вот лодка, лавируя, птицей летит,
Минуя гряды камней,
Но лоцмана взор как-то странно блестит,
Становится все мрачней.
Вот Еслинга риф и кипящий прибор,
Вот Хеснессун перед ним, —
Вдруг встал во весь рост норвежец седой
И лодку пробил, как мальчишка злой,

Ударом весла одним.

В пробоину хлынула, пенясь, волна,
Как хищник в жестокой борьбе,
Но мать, помертвев, от испуга бледна,
Ребенка прижала к себе:
«Дитя мое, Анна!» – на этот крик,
Как будто от сна пробудясь,
За парус умело схватился старик,
И лодка, как птица, вспорхнувшая вмиг,
Крылатая, вновь понеслась.

Их море трепало, как щепку крутя,
Пока не швырнуло на мель,
И снова нахлынули волны, свистя,
В широкую черную щель.
Тут лорд закричал: «Нам спасенья нет!
Мы гибнем! Ко дну идем!»

«Не бойтесь! – моряк усмехнулся в ответ, —
Лишь раз – но тому уж с десятков лет —
Тонула здесь лодка с зерном...»

Тревога мелькнула у лорда в глазах,
Мгновенно припомнил он,
Как ползал пред ним на коленях рыбак,
Отчаяньем ослеплен.
«Ты взял мою жизнь! – Терье Викен
вскричал. —
Ты в смерти семьи виноват!
Теперь мы сочтемся, мой час настал!»
И тут на колени пред лоцманом стал
Британец-аристократ.

Но Терье стоял, на весло опершись,
Как в юности, строен и прям,
Глаза его странною силой зажглись
И ветер гулял по кудрям.
«Ты помнишь, как шел твой надменный корвет
Победно, на всех парусах,
Ты был и спокоен, и сыт, и одет,
Тебя забавляло, что хлеба нет
В убогих рыбацких домах...

Миледи твоя прекрасней весны
И руки, как шелк, у нее,
Грубей были руки моей жены,
Но в них было счастье мое...
Дочурка твоя синеглаза, бела,

Кудрява, как ангелок, —
Моя – побледней и попроще была,
Понравиться каждому вряд ли могла,
Но я ее нежно берег...

Владел я сокровищем самым большим,
Ценимым выше всего,
Я жил, и дышал, и гордился им,
А ты – уничтожил его!
Но срок расквитаться с тобою настал:
Ты тоже припомнишь сейчас,
Как счастье свое я напрасно спасал,
Седым за несколько лет я стал,
Ты станешь седым за час!»

Он за руки мать и ребенка берет,
Он мрачен, суров и тверд:
«Спокойно! Ни с места! Ни шагу вперед!
Ты их потеряешь, милорд!»
Британец рванулся и помертвел,
Не в силах страх превозмочь,
На лоцмана молча он дико глядел:
Свершилась расплата – и он поседел
За эту короткую ночь.

Но Терье лицом и душой просиял,
От сердца его отлегло,
Он руки ребенка поцеловал
И вдруг улыбнулся светло.
И громко сказал он: «Свободен я!
Как радостно стало жить!
Теперь Терье Викену все друзья,
Теперь не клоочет уж кровь моя
Мучительной жаждой отмстить!»

За долгие годы в тюремной тоске
Я высох умом и душой,
Как стебель, растоптанный на песке;
Но ныне – мы квиты с тобой!
Я все тебе отдал, чем был богат,
Я честно тебе заплатил,
Пусть был я сегодня с тобой грубоват, —
Не сетуй: уж в этом сам Бог виноват —
Таким он меня сотворил!»

Наутро узнали, что яхта цела,
Что все спасены притом,
О Терье Викене слава пошла
В народе из дома в дом.

Никто о случившемся ночью не знал,
Но начали все замечать,
Что Терье веселым и бодрым стал,
Тот нрав, что в плену он совсем потерял,
Как будто обрел он опять.

И лорд, и миледи, прощаясь, вошли
В убогий рыбачий дом
И лоцмана крепкие руки трясли,
Признав спасителя в нем.
И Терье им дружески руки потряс,
Дитя по кудрям потрепал.
«Признаюсь вам: вот кто поистине спас
От страшной минуты меня и вас!» —
Он тихо и просто сказал.

Вот яхта, Хеснессунн проходя,
Норвежский подняла флаг,

Там дикий прибой, ничего не щадя,
Кипел на белых камнях.
Рукой по глазам Терье Вйкен провел —
Покончено с долгим сном:
«Всего я лишился и все приобрел,
И если ты, Боже, меня нашел,
Спасибо тебе на том!»

Таким я видал его: в город он
Богатый привез улов.
Он был, несмотря на седины, силен,
и весел, и бодр, и здоров.
Он девушек словом смущал озорным,
С юнцами, как равный, шутил,
Он в лодку садился прыжком одним
И, парус поставив, отважно под ним
В морскую даль уходил.

У церкви Фьере могила есть —
Открыта ветрам она,
Ни дерева нет, ни ограды здесь,
Но надпись на камне видна.
Одиннадцать букв: «**Терье Вйкен**» и год

Кончины – белеют на нем,
Дожди его моют, и солнце печет,
И дикое племя цветов растет,
Его окружая венком.

1860

Из домашней жизни

В дому было тихо, на улице – мгла,
Курил я сигару понуро,
Вдруг шумной толпой детвора вошла
И стала носиться вокруг стола
У светлого абажура.

Их свежие лица румянцем цвели,
Как будто после купанья,
Они хоровод крылатый вели,
И мне открывались в чудесной дали
Волшебных стран очертанья.

Уж верил я сам в золотые края,
Взирая на игры эти.
Но в зеркало глянул – и вдруг, друзья,
Почтенного гостя увидел я,
В туфлях и ватном жилете.

И что же? Увидев чужого – вмиг
Смутилась крылатая стая.
Все как-то притихли, и лица их
Погасли: ведь хмурых людей чужих
Пугаются дети, я знаю!

1864

Сила воспоминаний

Вы знаете ли, как вожатый
плясать медведя научил?
В котел он Мишку засадил,
подбросил дров, – пляши, лохматый! —
а сам на скрипке трепака.
На раскаленном дне постой-ка?!
И семенит ногами бойко
Мишук под скрипку жоака.
С тех пор, слышав те же звуки,
медведь взревет и, сам не свой,
начнет притопывать ногой, —
жива в нем боль от прежней муки. —
И я сидел в котле на дне,
и надо мною скрипка пела...
Но корчилось не только тело, —
душа – на медленном огне.
Глубокий след оставлен теми днями;
малейший отзвук их палит
огнем мне сердце и велит
мне стихотворными плясать стопами.

1864

Основа веры

Страну я будил набатным стихом —
Никто не дрогнул в краю родном.

Я выполнил долг мой, и вот пароход
Меня из Норвегии милой везет.

Но нас в Каттегате туман задержал,
Никто в эту первую ночь не спал —

Военный совет пассажиров шумел,
Решая великое множество дел:

О Дюббёле павшем, о днях предстоящих,
О юношах, в армию уходящих...

«Племянник сбежал! Восемнадцати лет!» —
«Конторщик сбежал! Просто сладу нет!»

Но слышалось в жалобах и одобренье:
Ведь с ними и мы словно шли в сраженье.

Была среди нас, как будто родная,
Спокойная женщина пожилая;

С ней каждый старался заговорить,
Утешить ее, приласкать, ободрить,

И многие дамы печально и чинно
Вздыхали: «Она проводила сына!»

Она улыбалась, кивая всем:
«О, я не боюсь за него совсем!»

Мне эта старуха казалась прекрасной,
Счастливая верою твердой и ясной;

Мне стало легко и спокойно вдруг:
Она укрепила мой слабый дух!

Не умер народ мой, коль женщина эта
Чудесною верой своей согрета!

Не мудростью книжной была она,
А жизненной правдой смела и сильна.

Откуда же веру она черпала?
Она вдохновенно и гордо знала,

Что сын ее – милый, единственный сын —
Солдат, но солдат норвежских дружин!

1864

В альбом композитора⁶

Орфей зверей игрою умирят
И высекал огонь из хладных скал.

Камней у нас в Норвегии немало,
А диких тварей слишком много стало.

Играй! Яви могущество свое:
Исторгни искры, истреби зверье.

1866

⁶ Эдварду Григу (1843–1907), норвежскому композитору, автору музыки к драме «Пер Гюнт».

Монолог Бранда из пятого действия драматической поэмы «Бранд»

На горной вершине. Ветер усиливается, гоня тяжелые облака над заснеженными равнинами. Черные зубцы и гребни проступают то тут, то там, потом опять окутываются туманом. На уступе, избитый, в крови, появляется Бранд. Он останавливается, смотрит назад.

Сотни душ пошли за мной,
а теперь вот ни одной...
Я один пришел к вершине.
Все мечтают в серых днях
о великих временах —
многих взбудоражил ныне
долгожданный клич борьбы...
Вот лишь в чем они слабы:
жертвы, жертвы все страшатся!
Впрочем, совестно ль бояться?

Пострадал один за всех —
в страхе жить с тех пор не грех!

(Опускается на камень, смотрит по сторонам.)

Часто в страхе, сам не свой,
как дитя на лай собак,
шел я сквозь кромешный мрак.
Но в какое-то мгновенье
я смирял сердцебиенье,
прозревая свет живой
впереди перед собой.
Ставни застыт мне стекло,
но за ставнями светло!
Думал я, в глухом оконце
скоро заиграет солнце
и в обитель привидений
хлынет яркий луч весенний!
...Убедись теперь воочью:
ты в угаре заблуждений,
ты забит, раздавлен ночью!
Эти люди на холмах,
на равнине, у залива —
все они живут впотьмах,
охраняя терпеливо
канувший в былое быт,
дух легенд, воспоминаний...
Так король Харальд хранил
веру, что жива Snefrid:

что ни день зарею ранней
возле милой сторожил,
ждал, чтоб роза оживилась,
чтобы сердце вновь забилося,
слушал жадно, верил глупо,
что блеснет слеза у трупа.
И один ли только он?
Многих мы еще почтили
угождающих могиле,
между тем как есть закон:
от земли – и взят землей...
Ради колоса зерно
умереть в земле должно!
Всюду сумрак ночи длинной —
над младенцем, над мужчиной,
над старухой, над женой!
Господи, какой ценой
вразумить их до конца,
чтоб не чтили мертвеца?

(Вскакивает.)

Призрак следует за мной,
словно бег коня ночной.
Бурей время задышало...
Мы ему служить должны
сталью грозною войны,
ветви миртовой здесь мало.
Что же вижу я вдали?
Трусость, рабское смиренье,
маски, самоупоенье,
унижение всей земли,
крики жен, детей, старух,
мир, который к воплям глух,
и на лицах как печать:
«Нам уж лучше помолчать,
мы потертые гроши,
люди маленькой души!» —
так сдаются без борьбы,
глядя на себя с испугом,
слабости своей рабы...
Где же ты, мой флаг заветный,
радуга над майским лугом,
наш народный флаг трехцветный?
Как ты на ветру играл
под народной песни шквал!
Но норвежцы с королем
в мненьях разошлись потом,
флаг утратил свой язык,

хоть не стих народа крик.
И зубов драконьих ныне
не увидеть нам в долине —
флаг корабль наш поднимает,
лишь когда беду узнает...

Хуже вижу времена:
ночь грозой озарена;
под британским чадом черным
погребен родимый край,
в запустении покорном
задыхается наш май,
смяты юности цвета;
правда, свежесть, красота
меркнут в дымке ядовитой,
там, где, зеленью покрыты,
красовались склоны гор,
только каменные плиты
ныне замечает взор.
Города под пеплом скрыты,
солнце в серой мгле пропало —
так лежат Помпеи плиты,
Геркуланума порталы.
Напряженно смотрят лица, —
в штольнях годы им томиться
в поисках за ценным кладом,
там сквозь своды дождь струится,
низвергаясь водопадом,
молот гнома бьет с размаха
в сердце гор, ломая руды,
но бесплодны камней груды:
злато не живет среди праха...
Люди смотрят жадным взглядом
восхищенного пигмея
на пустую лживость злата.
Что им жизнь, любовь, идея,
что им смерть родного брата?
Что им новые могилы?
Молотки, лопаты, пилы
проникают в глубь земли.
Гаснут светочи вдали;
род людской – толпа рабов,
воли нет, и нет бойцов.

Хуже вижу времена,
вспышки молний в дальнем поле,
волчий разум – зла очаг,
угрожает свету враг.
Северу грозит беда,

должен фьорд хранить суда,
но, сражаться не умея,
робко прячутся пигмеи —
пусть великие народы
гибнут Господу в угоду,
не к лицу нам гнев и раны,
мы малы и бесталанны,
мы здоровье населенья
ставим выше избавленья
от грехов и от обмана;
да и вовсе не за нас
некогда испил Он чашу,
вовсе не за счастье наше
Он венец носил из терний,
не за нас поруган чернью,
умер не за нас, поверьте!

Не за нас легат потом
бок ему проткнул копьем,
дабы убедиться в смерти,
не за нас тот молоток
гвозди забивал тогда
в ткань живую рук и ног...
Нет, не нас тогда он спас,
за большие города,
он страдал, а не за нас!
Пусть война идет в стране,
наши хаты в стороне,
мы не бросим свой насест.
Не за нас он принял крест!
Впрочем, есть и наша доля
в Иисусовых страстях:
есть частица общей боли
на измученных плечах
от удара Агасфера —
вот какая наша мера!

1866

Сожженные корабли

Повернул он штевни
От родных берегов,
Он северных, древних
Предал богов.

И родины зовы
Утонули в волнах, —
О, счастье так ново
В южных краях!

Там навек он остался,
Сжег свои корабли, —
А дымок все стлался
До родимой земли.

И к хижинам дальним
От радостей прочь
Скачет всадник печальный
Каждую ночь.

1871

Письмо в стихах *Любезный друг!*

Вы мне в письме вопросы задаете:
Чем люди ныне так удручены
И дни влачат в безрадостной дремоте,
Как будто страхом странным смущены?
И почему успех не тешит душу,
И люди переносят все невзгоды,
И ждут безвольно, что на них обрушат
Грядущие, неведомые годы?

Я здесь не дам сих тайн истолкованья, —
Вопрос, а не ответ – мое призванье.

Но раз уж Вы решились написать,
То пусть вопрос Ваш будет не напрасным, —
Конечно, если Вы не слишком ясный
Ответ потребуете, так сказать, —
Я сам в ответ хочу вопрос задать,

Но только как поэт, прошу прощенья,
Спрошу не прямо, а путем сравненья.

Скажите ж мне, когда-нибудь случилось
Увидеть Вам у наших берегов,
Как отплывает судно от причала
В открытый океан под шум ветров?

Вы видели – и помните, конечно,
На корабле дух ревностный, живой,
И общий труд, спокойный и беспечный,
Слова команды, четкой и простой.
Как будто это мир закономерный
С орбитой своей, как шар земной,
Идет путем, рассчитанным и верным.

Нередко судно в путь уходит дальний —
Иные ищет гавани и страны;
Сгружают вскоре груз первоначальный,
Берут товар с названьем чужестранным;
И наполняют в рвенье неустанном
Трюм ящиками, бочками, тюками —
И в точности, какой теперь багаж —
И груз навален в трюм, ни экипаж,
Ни даже капитан не знают сами.

И снова судно отплывает в дали,
Кипит, белея, пена за кормой, —
Как будто тесен стал простор морской,
И кажется, что он вместит едва ли
Весь этот сгусток смелости людской,
Которую и штормы множат даже
У путников, а также в экипаже.

Да, здесь не позабыли ни о чем:
Закреплены надежно груза горы,
И держатся в порядке все приборы,
Чтоб в море судно верным шло путем.
Есть налицо и знанья, и умение, —
Здесь места нет и тени подозренья.
Но все же, вопреки всему, однажды
Случиться может так среди стремнин,
Что на борту без видимых причин
Все чем-то смущены, вздыхают, страждут.
Немногие сперва тоской объаты,
Затем – все больше, после – без изъятий.
Крепят бесстрастно парус и канаты,
Вершат свой долг без смеха и проклятий,
Приметы видят в каждом пустяке.
Томит и штиль, и ветерок попутный,
А в крике буревестника, в прыжке
Дельфина зло душой провидят смутной.
И безучастно люди бродят сонные,
Неведомой болезнью зараженные.

Что ж тут случилось? Что за час настал?
В чем тайная причина злого гнета,
Кто мысль и волю парализовал?
Грозит опасность? Повредилось что-то?
Нет, ничего. Дела идут, как шли, —
Но без надежд, без мужества, в тиши.
А почему? Затем, что тайный слух,
Сомненья сея в потрясенный дух,
Снует по кораблю в неясном шуме, —
Им мнится: труп сокрыт у судна в трюме.

Известно суеверье моряков:
Ему лишь только стоит пробудиться, —
Оно всевластно, хоть лежит покров
На истине, покамест не домчится
На зло всем мелям, шхерам, вещим птицам
Их судно до родимых берегов.

Взгляните ж, друг, – Европы пакетбот
Путь держит в море, к миру молодому,

И оба мы билет на пароход
Приобрели, взошли на борт, и вот
Привет прощальный берегу шлем родному.
Как дышится легко здесь, по-иному,
Какой прохладой ветер обдает!
Багаж весь в трюме сложен со стараньем!
А кок и стюарт смотрят за питаньем.

Чего ж еще, чтоб плыть нам без забот?
Машины и котел гудят под нами,
Могучий поршень движет рычагами,
И воду винт, как острый меч, сечет;
Хранит от крена парус при волненье,
А рулевой хранит от столкновений.
Фарватер верный мы себе избрали;
Снискав себе доверье и почет,
Наш капитан пытливо смотрит в дали.
Чего ж еще, чтоб плыть нам без забот?
И все же в океане, далеко,
На полпути меж родиной и целью
Рейс, кажется, идет не так легко.
Исчезла храбрость, настает похмелье.
И бродят экипаж и пассажиры
С унылым взором, заплывая жиром.
Полны сомнений, дум, душевной смуты
И в кубрике, и в дорогих каютах.

Вы о причине задали вопрос!
Но ощутили ль вы, что близко что-то,
Что целый век, свершив свою работу,
С собою все спокойствие унес?
Какая тут причина – неизвестно,
Но все, что знаю, расскажу вам честно.

На палубе однажды ночью душной
Я был один под звездной тишиною.
Улегся ветер от ночного зноя,
И воздух был ласкающе-послушный.
Все пассажиры спать легли в истоме,
Мерцали снизу лампы, сонно тлея,
Шла из кают жара все тяжелее,
Держа усталых в тихой полудреме.
Но в их дремоте не было покоя, —
Я это видел сквозь иллюминатор:
Лежал министр оскалась, – он состроить
Хотел улыбку, но без результата;
Профессор рядом спал, объятый мукой,
Как бы в разладе со своей наукой;
Вот богослов весь простыней накрылся,

Другой в подушки с головой зарылся;
Вот мастера в поэзии, в искусстве, —
Их сны полны и страха, и предчувствий.
А над дремотным царством беспощадно
Легла жара, удушливо и чадно.

Я взор отвел от этой сонной жути,
Взглянул вперед, где ночь была свежей;
Я глянул на восток, где уж бледней
Светились звезды в предрассветной мути.

Тут словно донеслось в неясном шуме
Наверх, где я у мачты сел в раздумье, —
Как будто кто-то громко произнес
Среди кошмаров и смятенных грез:
«Боюсь, мы труп везем с собою в трюме!»

1875

* * *

Что значит жить? В борьбе с судьбою,
с страстями темными сгорать.
Творить? То значит над собою
нелицемерный суд держать.

Звезды в туманности⁷

Когда я плыл в тот край, где навсегда
Мечтал остановить свой бег кометный, —
В созвездье Андромеды незаметно
Новорожденная зажглась звезда.

И старый шар земной был потрясен,
Когда ему наука возвестила,
Что в мире хаоса еще святило
Воздвигнул тяготения закон.

Но хаос я увидел в крае том;
Там не простерлось тяготенья поле,
Разрозненные не окрепли воли,
Чтоб слиться в устремлении одном.

Теперь же, глядя в даль, я осенен
Догадкой: из туманного скопления
Звезды происходило становленье,
Там правил тяготения закон!

Туманность, верю в твой удел прекрасный!
Виднеется лишь тусклое пятно
На севере, но знаю, что оно
Звезды прообраз лучезарно-ясной.

⁷ В 1885 г., проживая в Мюнхене, Ибсен ненадолго посетил свою родину. Тогда же в созвездии Андромеды астрономы обнаружили новую звезду.

В этом доме они...

В этом доме они тихо жили вдвоем
И осенней, и зимней порою.
Но случился пожар. И рассыпался дом,
И склонились они над золою.

Там, под нею, хранился ларец золотой,
Несгораемо-прочный, нетленный.
Рыли землю лопатой, дробили киркой,
Чтобы клад отыскать драгоценный.

И находят они, эти двое людей,
Ожерелье, подвески, запястья, —
Не найти ей лишь веры сгоревшей своей.
А ему – его прежнее счастье.

1892

Пер Гюнт *(Драматическая поэма)*

Действующие лица

Осе, вдова крестьянина.
Пер Гюнт, ее сын.
Две старухи с мешками зерна.
Аслак, кузнец.
Гости на свадьбе.
Старшина на свадебном обеде.
Музыкант.
Чета переселенцев.
Сольвейг и маленькая **Хельга**, их дочери.
Хозяин хутора Хэгстад.
Ингрид, его дочь.
Жених, родители жениха.
Три пастушки.
Женщина.
Доврский дед.
Старший придворный тролль.
Тролли, троллихи, тролленята.
Две колдуньи.
Лешие, домовые, кобольды и др.
Уродец, голос из мрака, голоса птиц.
Кари, одинокая хуторянка.
Мастер Коттон
##Мосье Баллон путешественники.
Трумпетерстрале
Герр фон Эберкопф.
Вор и укрыватель краденого.
Анитра, дочь вождя бедуинов.
Арабы, рабыни, танцовщицы и др.
Колосс Мемнона (поющий).
Сфинкс у Гизе (лицо без речей).
Бегриффенфельдт, профессор, доктор философии, директор дома для умалишенных в Каире.
Гугу, реформатор малабарского языка.
Гуссейн, восточный министр.
Феллах с мумией фараона.
Умалишенные и их надзиратели.
Норвежский капитан с командой.
Неизвестный пассажир.
Прест, народ на похоронах.
Ленсман.
Пуговичник.

Костлявый.

Действие охватывает время от начала до шестидесятих годов XIX века и происходит частью в Гудбраннской долине и окрестных горах, частью на Марокканском побережье, частью в пустыне Сахара, в доме для умалишенных в Каире, на море и т. д.

Действие первое

Поросший лиственным лесом горный склон. Внизу домик Осе. По склону сбегает горная речка. За речкой старая мельница. Жаркий летний день. Пер Гюнт, коренастый двадцатилетний парень, спускается по тропинке к дому. Осе, его мать, маленькая, хрупкая женщина, идет за ним. Она рассержена и бранится.

Осе

Ох и врешь ты!

Пер Гюнт

(не останавливаясь)

Это я-то?

Осе

Поклянись мне, что не врешь!

Пер Гюнт

Вот еще!

Осе

Ах, черт проклятый!
Значит, все до слова ложь?

Пер Гюнт

(остановившись)

Правда! Чтоб я провалился!

Осе

(обогнав Пера и став лицом к нему)

Матери бы постыдился!
По обрывам в страдный день
носишься как окаянный —
встретился ему олень!
Прибегаешь в куртке рваной,
без добычи, без ружья.
Но зато уж до вранья
ты охотник настоящий!
Ну, и где ж тебе, пропащий,
повстречался твой козел?

Пер Гюнт

А за Йендином!

Осе

(с язвительной усмешкой)

Вот-вот!

Пер Гюнт

Ветер злой меня завел
за хребет, в густой ольшаник.
Вижу: наст ногою бьет —
ищет подо льдом лишайник.
Заблудился, знать...

Осе

(прежним тоном)

Вот-вот!

Пер Гюнт

Я в кустах успел укрыться —
сильный зверь, бока лоснятся,
пышные рога ветвятся.
Слушаю. Цок-цок копытца.
Я к нему подкрался сзади,
осторожно лег в засаде
на зазубренных камнях...
Ох, олень! Таких и нет!

Осе

Ну?

Пер Гюнт

А я в него — бабах!
Он о землю головой
грохнулся, но был живой.
Сел ему я на хребет,
ноги вытянул пошире,
приготовился с размаху
ткнуть ему в загривок нож,
лезу за ножом — и что ж!
Как он встал на все четыре,
изодрал на мне рубаху,
вышиб ножик и ножны,

чуть не сбросил со спины,
завинтил потом рогами —
как в тиски меня зажал —
и огромными прыжками
через Йендин поскакал!

Осе

(невольно)

Бог с тобой, душа моя!

Пер Гюнт

Страшен Йендинский хребет.
Ты видала эти скалы,
острые, как лезвия?
К тем вершинам ходу нет:
всюду оползни, провалы.
И глядятся эти горы
в те зеркальные озера,
что в провалах залегли,
в темных осыпях кремнистых
глубиной локтей на триста.
И по грозному хребту
в снежной взвихренной пыли
поднимались мы с оленем,
как по каменным ступеням,
в сказочную высоту.
Я орлов парящих спины
видел сверху под ногами,
между озером и нами,
и с нависших мрачных скал
обрывались в бездну льдины —
шум их к нам не долетал —
слишком быстрым был полет.
Только снежные метели,
белые колдуньи гор,
заводили хоровод
на пути моем – и пели,
завлекая слух и взор.

Осе

(сбитая с толку)

Боже правый!

Пер Гюнт

А потом

появилась над хребтом
куропатка – видно, птаха
вывалилась из гнезда —
и как хлопнется с размаха
прямо под ноги оленю,
а олень-то сделал круг
да как понесется вдруг
в пропасть, в бездну, где вода...

*Осе хватается за ствол дерева, чтобы не упасть.
(Пер Гюнт продолжает.)*

Я к бокам прижал колени
и несусь невесть куда
меж отвесными стенами;
только облаков гряда
разверзается под нами,
да в озерной глубине
пятнышко – как будто брюхо
белоснежное олень.
И тогда я понял, мать:
это наше отраженье
сквозь серебряную гладь
к нам несется что есть духа...

Осе
(задыхаясь)

Ну, изволь уж досказать!

Пер Гюнт

Встретились олень с оленем —
настоящий с отраженьем,
как боднутся – ой-ой-ой!..
Запыхавшиеся, в мыле,
мы до берега доплыли,
ну, и я пошел домой!

Осе

А олень?

Пер Гюнт

В лугах пасется.

(Перекрутившись на пятке и щелкнув пальцами, приговаривает.)

Поищи – авось найдется!

Осе

Как же ты живой, сынок?
Как ты шею не сломал?
И спина цела, и ног
не расшиб... О Боже правый,
это ты ему помог!
Правда что кафтан дырявый
и штаны совсем подрал,
да зато какой прыжок!

(Внезапно останавливается, разинув рот. Смотрит на сына вытаращенными глазами, не может найти слов. Наконец раздражается.)

Вот и верь ему, нахалу!
Побожился – и соврал.
Эту сказку я слыхала
двадцати от роду лет!
И на Йендинский хребет
на олене ускакал
Глесне Гудбранн, а не ты!

Пер Гюнт

Он давно, а я теперь.
Что я, не такой, как Глесне?

Осе

Надо же! Чужие песни,
наши дряхлые поверья
разрядил в павлиньи перья!
Черт! А я возьми поверь!
Бездны, пропасти, удары,
куропатки да орлицы —
уж такие небылицы,
что не видно сказки старой
из-под твоего вранья.

Пер Гюнт

Кто другой бы так сказал —
ох ему задал бы я!

Осе

(плача)

Хоть бы Бог меня прибрал
раньше, чем тебе родиться!
Эх! Пропал ты, Пер, пропал...

Пер Гюнт

Маленькая, перестань!
Ну, соврал я, ты права —
и пора развеселиться!

Осе

Ха! Веселье! Сын – свинья!..
Распухает голова
от бесстыдного вранья!
Ведь несчастная вдова
каждый день выносит беды.

(Опять плачет.)

Вспомни, как жила семья
в старину, в усадьбе деда.
Старый Расмус кровью, потом
капиталы сколотил.
А отец твой – кем он был?
Лодырем, пропойцей, мотом!
Как забрал он деньги эти —
все дворы перекупил,
разрядился в пух и прах,
ездил в золотой карете,
а на святки, на пирах,
как к нему нагрянут гости —
научил при каждом тосте
кубки в зеркала бросать!

Пер Гюнт

Что нам прошлогодний снег!

Осе

А тебе бы уж молчать,
конченный ты человек!
Погляди на этот дом —
как он зиму одолеет?
Окна заткнуты тряпьем,
и скотина под дождем
да под снегом околеет.
Изгородь поднять не мог,

луг не мог перепахать!
Я теперь должна в залог
весь участок отдавать!

Пер Гюнт

Не тужи. Поможет Бог:
бросил в бездну – и опять
выведет на путь прямой.

Осе

Этот путь зарос травой...
Только ты все нос дерешь
не ко времени, не к месту...
Как-то занесло в наш дом
копенгагенского преста.
Он с тобой о том, о сем —
как зовут да как живешь,
а отцу шепнул потом:
«Вот клянусь: с таким умом
да при этакой осанке
будет Пер ваш королем!»
Мы ему за это санки
подарили на проезд!
Да не только этот прест —
к нам и пробст, и капитан
всё наведывались в дом,
ели до отвала, пили...
Вывернул Йун Гюнт карман —
все спустил: и дом, и стол,
и пошел бродить по селам
коробейником веселым,
а назад он не пришел...

(Вытирает передником глаза.)

Вздорной стала я и хворой...
Ну, а ты-то сильный стал!
Ты бы дело в руки взял,
был бы другом и опорой...

(Снова плачет.)

Только вижу я, что Бог
мне не очень-то помог.
Что умеешь ты? Валяться
на печи, в золе копаться?
Девок уводить с гулянья

да свою родную мать
всей округе выставлять
на позор и осмеянье?
Да! Еще умеешь драться!

Пер Гюнт
(отходя)

Ах, отстань-ка!

Осе

А не ты ли
с шайкой пьяниц и бродяг
потасовки учинял?
Вот и в Лунде был скандал,
там вы грызлись и скулили
пуще бешеных собак.
Говорят, кузнец Аслак
не оправится никак.
Руку ты ему сломал
или палец?

Пер Гюнт

Что за враки?

Осе
(вспыльчиво)

Кари там была при драке!

Пер Гюнт
(протирая плечо)

А, так это я орал!

Осе

Ты?

Пер Гюнт

Ну да, меня избили!

Осе

Господи, какой позор!

Пер Гюнт

Он же сильный!

Осе

Кто?

Пер Гюнт

Кузнец.

Осе

Брось ты! Этот трус, слюнтяй,
забулдыга, разгильдяй,
лодырь, спившийся вконец,
мог тебя поколотить!

(Снова плачет.)

Как могла так низко пасть я!
Как посмела я дожить
до подобного несчастья?
Кузнецу хватило силы,
а Пер Гюнту не хватило!

Пер Гюнт

Я ли бью, меня ли бьют —
все ты плачешь.

(Смеется.)

Полно, мать!

Осе

Значит, так. Соврал опять.

Пер Гюнт

В этот раз соврал... Пстой,
слезы прочь. Утрись платком.
Ну, так вот что было тут.

(Показывает согнутую левую руку.)

Слушай! Этой вот рукой

сцапал я его, как в клещи,

(показывает правый кулак)

а вот этим кулаком
колотил его похлеще,
чем железным молотком!

Осе

Сорванец ты всем известный —
скоро в гроб меня сведешь.

Пер Гюнт

В гроб? Тебе? Такой чудесной?
Нет! Со мной не пропадешь!
Ты достойна лучшей доли!
В тыщи раз! Со всех сторон
будут люди на поклон
приходить к тебе толпою,
все моей доступно воле —
я такое тут устрою...

Осе

(презрительно)

Где тебе!

Пер Гюнт

Все может быть!

Осе

Ах ты, дурень голоштаный!
Хоть бы дыры зачинить
догадался на портках!

Пер Гюнт

(запальчиво)

Императором я стану!

Осе

Помоги, великий боже!
Повредился он в мозгу.

Пер Гюнт

Время дай – я все смогу!

Осе

Как же! Вылезешь в вельможи!
Сядешь на престол авось!

Пер Гюнт

Погоди, увидишь!

Осе

Брось!
Спятил ты совсем с ума.
Было время – я сама
верила, что ты герой,
да живешь ты всякой дрянью,
ложью, глупой болтовней.
Помнишь Ингрид из Хэгстада —
бегала ведь за тобой!
Лучшего искать не надо,
было бы твоё желанье.

Пер Гюнт

Думаешь?

Осе

Старик упрям,
но когда доходит там
до девчонкиных причуд —
ей послушен старый плут.

(Опять начинает плакать.)

А у девушки земля!
А у девушки поместье!
Не играл бы в короля,
все бы сладили честь честью,
и стоял бы под венцом,
а не бегал сорванцом!

Пер Гюнт

(поспешно)

Так пойдём!

Осе

Куда?

Пер Гюнт

В Хэгстад.

Осе

Только там тебя и ждут!

Пер Гюнт

Как же так?

Осе

Забудь про это.
Ничего не сделать тут:
время не вернешь назад.

Пер Гюнт

Что ты?

Осе

(всхлипывая)

Сам же виноват!
Ты в горах шатался где-то,
а Мас Мон, не будь дурак,
сватов к ней отправил.

Пер Гюнт

Как?
Это пугало воронье?

Осе

Он теперь ее жених.

Пер Гюнт

Где двуколка, упряжь, кони?

(Хочет идти.)

Осе

Завтра обвенчают их!

Пер Гюнт

Пусть. А я пойду сегодня.

Осе

Наказанье ты господне!
Засмеет тебя народ.

Пер Гюнт

Ни черта не засмеет.

(Вдруг вскрикивает и хохочет.)

Слушай! Ну ее, двуколку!
Нет ни времени, ни толку
с ней возиться. Лучше, знаешь...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.